

ФЕДИНА Ирина Михайловна,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

FEDINA Irina M.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА КУБАНИ В 1920-е ГОДЫ

LAND REGULATION IN KUBAN IN THE 1920 s

В статье рассматривается практика регулирования земельных отношений на Кубани в 1920-е гг. и ключевые аспекты ее реализации. Обращение к данной теме позволяет в рамках микроисторического исследования проанализировать на локальном уровне осуществление Земельного кодекса 1922 г. С установлением советской власти на Кубани началась планомерная модернизация всех сфер деятельности. Особенно болезненно изменения затронули земельные вопросы, а проводившаяся землеустроительная кампания привела к кризису традиционных форм аграрного производства. Земельный кодекс 1922 г. являлся противоречивым документом и подтверждал многообразие форм землепользования и ведения хозяйства, как-то: общинной, участковой (хуторской) и товарищеской. Однако предпочтение отдавалось в пользу коллективных хозяйств. В Кодексе прослеживалась примирительная позиция частного и коллективного хозяйства, традиционалистское представление крестьянской общинной организации и равенство коллективных социалистических форм. Это способствовало не только спонтанному развитию рыночных отношений, но и неразрывно связано с социальной дифференциацией. На Кубани в период реализации Кодекса и землеустроительной кампании особенно сложными были взаимоотношения иногороднего населения и казачества, выражавшиеся в постоянных конфликтах на этой почве. Иногородний олицетворялся как противник казачьей земельной собственности и угроза традиционному кубанскому станичному социуму. Массовая миграция в благодатную Кубань как следствие длительной войны, голода и разрухи стала одной из причин землеустроительных работ и переделов. За счет новых переселенцев на Кубани процент хуторских индивидуальных хозяйств был довольно высок, а с выходом Кодекса 1922 г. не только сохранились, но и увеличились индивидуалистические настроения. Новизна исследования заключается в том, что впервые в региональной истории на основе внедрения комплекса архивных документов рассматривается осуществление земельного Кодекса 1922 г. и переход от единоличного хозяйствования к коллективным формам землеустройства.

The article discusses the practice of regulation of land relations in the Kubania region in the 1920s and the key aspects of its implementation. The study of the topic allows one to analyze the implementation of the 1922 Land Code at the local level within the framework of microhistorical research. The establishment of Soviet power in the Kubania launched a systematic modernization of all spheres of activity. The especially painful changes affected the land issues, while the pursued land management campaign led to the crisis of traditional forms of agricultural production. The 1922 Land Code was a controversial document confirming the variety of forms of land use and farming, like the community, the district (farmstead) and cooperative ones. However, preference was given to collective farms. There is strong evidence in the Code of conciliatory attitude towards private and collective farms, traditionalist view of the peasant community organization and equality of collective socialist forms. This has contributed not only to the spontaneous development of market relations, but it is also inextricably linked to the social differentiation. In Kubania, during the implementation of the Code and land surveying company, there had been particularly acute relations between the Cossacks and non-resident population being expressed in constant conflicts on this basis. Non-residents were personified as an enemy of the Cossack land ownership and the threat to the traditional Kuban stanitsa society. Mass migration to the fertile lands of Kubania region as a consequence of long war, famine and devastation became one of the causes of land management and reallocation drive. Due to new settlers, the percentage of hamlet-based individual farms was quite high, and the release of the 1922 Land Code not only preserved but also promoted individualistic attitudes. The novelty of the study lies in the fact that for the first time in the regional history, consideration is given through the introduction of a complex of archival documents to the implementation of the 1922 Land Code and the transition from the individual to the collective forms of land farming.

Ключевые слова: социалистическое землеустройство, земельный Кодекс, землеустроительная кампания, землепользование, переселенцы, хутор, община, иногороднее население, «расселенцы», миграция.

Keywords: Socialist land regulation, Land Code, land regulation campaign, land use, re-settlers, farm, community, non-resident population, migrants, migration

Коренная перестройка социально-экономических отношений на Кубани после революции не могла не отразиться на характере земельных отношений. С установлением советской власти началась планомерная замена индивидуальных форм хозяйствования на коллективные. Новые власти приступили к внедрению закрепленного постановлением ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», которое ориентировало на переход земледелия от единоличных форм хозяйствования к крупным хозяйствам, коммуна, сельскохозяйственным артелям и др.

В соответствии с большевистской доктриной в 1919 г. на Кубани началась подготовка к передаче крупных имений в социалистическую собственность. К весне 1921 г. крупная земельная собственность в Кубано-Черноморской области была ликвидирована [1, с. 41]. Параллельно с уничтожением крупной земельной общины шло образование ряда земельных единиц, гибких к восприятию политики властей. Такой земельной единицы в количестве 50 дворов достаточно было для организации коллективного хозяйства. Вместо крупных сплоченных зажиточных казачьих станиц всячески поощрялось создание более мелких образований, легко контролируемых властями.

В этот период основными задачами землеустроительных работ в Кубанском округе было устранение сословного неравенства в отношении землепользования между иногородними и казаками путем наделения землей безземельного иногороднего населения, занимавшегося сельским хозяйством на арендованной земле или в качестве батраков на территории земельных обществ, а также ликвидация земельного неравенства среди казачьего населения через применение однообразной разверсточной единицы по округу на едока [2, Л. 786].

Развернувшаяся в 1920-е гг. на Кубани крупная землеустроительная кампания была призвана «разгородить» землю и уравнивать в земельных правах население. В землеустройстве наметились две основные черты – закрепление и оформление социалистических имущественных отношений и установление устойчивого землепользования. Индивидуальные казачьи хозяйства не вписывались в социалистическую систему коллективного ведения хозяйства, противоречили ее принципам, безапелляционно считались неэффективными, слабо связанными с рынком и не способными использовать передовую технику и современные методы хозяйствования. Наряду с выделением помещичьих и частновладельческих земель под коллективные хозяйства около 30% войсковых и станичных земель передавалось колхозам.

С введением в действие Земельного кодекса 1922 г. теряли значение прежние акты «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» и начинался новый этап поземельной реформы. Согласно Кодексу, имели право пользоваться землей все граждане РСФСР, способные ее обрабатывать и выбирать различные формы землепользования [3, с. 157-161]. Право на земельный участок можно было получить в составе общины или через организацию хуторских, отрубных или товарищеских хозяйств. Однако, несмотря на различные формы землепользования, целенаправленно поощрялись коллективные.

В соответствии с Кодексом на Кубани ликвидировались большие (фермерские) наделы казаков и вводилось уравнильное землепользование в станицах. В бывших крупных частновладельческих хозяйствах возникали сельскохозяйственные коммуны, государственные опытные хозяйства, кооперативные товарищества. Внешние проявления стали заметны уже с мая 1920 г., когда в Кубано-Черноморской области появляются первые сельскохозяйственные коллективы.

Так, в Екатерининскую земельную комиссию 12 июня 1920 г. поступило прошение граждан Суповского хуторского товарищества, состоящего из 43 дворов и 250 жителей. Этот хутор располагался в 15 верстах от Екатеринодара. В прошении жители писали: «...занимаемся хлебопашеством, огородничеством и молочной фермой. Так что снабжаем население города всеми съестными продуктами, для чего и имеем необходимую нужду в новых территориях. Просим Земельный комитет оставить нам землю помещика Чупова в количестве 300 дес, нашей земли сейчас 355 десятин» [4, Л. 32]. Просьба хуторян была удовлетворена. Такой же случай произошел в декабре 1920 г., когда в Краснодарское отдельское земельное управление пришло прошение от крестьян в связи с постановлением схода граждан с Ново-Бабычевской о быстрейшем переселении их на землю бывшего помещика [5, Л. 69]. Эти примеры были не единичны.

С началом действия Земельного кодекса крупная община была раздроблена: 26,2% – в юридических границах и 19,6% – в границах хозяйственных, а всего – 45,8%. На площади 86% всего округа почти вся беднота была устроена на ближайших к усадьбам землях лучшего качества. Население было разбито на группы по экономической мощности, а землю получило в следующей последовательности: беднота – ближние земли лучшего качества, дальше – середняки, а самые дальние земли худшего качества обрели зажиточные, «кои были обеспечены капиталом». Лишь 14% было разделено без применения этих принципов [6]. Однако в дальнейшем ставились задачи дальнейшего дробления крупной общины и наделения землей пришлого населения.

С окончанием гражданской войны на Кубани появилось большое количество разных категорий беженцев: с 1922 по 1926 г. на Кубань прибыло более 9 000 чел. и все они нашли источник пропитания на бывших частновладельческих землях.

Открывшаяся возможность индивидуального ведения хозяйства побудила население вернуться к традиционному индивидуальному способу хозяйствования. Причем на Кубани большинство из них (80%) обходилось своими силами, не прибегая к наемному труду [7, Л. 24]. По данным статистики, к 1 января 1924 г. колхозами было охвачено 3 064 хозяйства (двора), что по отношению к общему числу производственных хозяйств области составляло лишь 0,84% [8, Л. 2]. Таким образом, количественное значение колхозов было крайне невелико. Крепкие индивидуальные казачьи хозяйства не стремились к обобществлению и всячески этому препятствовали.

В условиях Кубани применение норм Земельного кодекса проходило в обстановке внутрисословного землеустройства и уничтожения сословных различий землепользования.

При решении вопроса о предпочтительности формы землепользования между общинной и хуторской индивидуальной предписывалось проводить строгое различие между технической возможностью образования обособленных хозяйств и хозяйственно-экономической целесообразностью их насаждения в порядке землеустройства. Предпосылками для образования хуторских форм землепользования могли стать следующие факторы: товарность хозяйства, близость и доступность рынка сбыта, стремление к более высокой культуре ведения хозяйства, склонность к проявлению хозяйственной инициативы и возможности для подобного проявления, обеспеченность достаточным количеством земли и средств для хозяйственного обустройства на хуторе.

Способы образования общинной и хуторской форм землепользования были разными, как и последствия их возникновения. Увеличение доли общинного хозяйства происходило главным образом за счет разделов, а хуторского – за счет выселений из общины. Разделу обычно подвергались более крупные и сильные хозяйства, в результате чего появлялись хозяйства экономически слабые, вынужденные усиленно искать неземледельческий заработок. Выселение на хутор отражалось на общем экономическом подъеме хозяйства, выражающемся в переходе хозяйств в высшие посевные группы, в общее увеличение посевных площадей и расширении посевов льна и трав. Общинным крестьянством также осознавалась выгода хуторов, хотя в своих пристрастиях к формам землепользования общинники разделились, поскольку для них каждая из форм имела свои плюсы и минусы. На хуторе «лучше, потому что спокойнее, удобно работать, больше земли», но на хутора стремились выделиться те, которые рассчитывали получить и закрепить большой надел по едокам. Малоземельные хуторяне были связаны отсутствием выгона и выступали за чересполосицу, где выгон и лес находились во владении общины и скот пасли общим стадом на общинном поле. В 1923 г. под единоличные формы землепользования было выделено 24 073 дес., или 2,5% всей землеустроенной площади [9, с. 9].

Наделение общин землей стало возможно в связи с ликвидацией помещичьего землеустройства, что значительно увеличило земельный фонд.

В этой связи обращает на себя внимание обобщение опыта решения земельного вопроса в постановлении Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета от октября 1923 г. и реализации правовых норм Земельного кодекса Кубано-Черноморской области 1922 г. В постановлении даже специально выделялась категория таких людей – «расселенцы», а в пункте 2 названного акта указывалось: «Всем гражданам, имеющим право наделения землею в порядке ст. 9 Земкодекса, проживающим в населенных пунктах, признанных малоземельными, и желающим получить землю, если они безземельные, или расширить свое землепользование, разрешается выселиться на свободный запас земель Кубчеробласти» [10, Л. 2]. Более того, «расселенцам» «с целью предоставления... наибольшей свободы» предоставлялось право выбора места расселения, для чего предлагалось «разбиться на несколько групп, с количеством не менее 50 семей каждая». Новым «расселенцам» с согласия областного экономического совещания устанавливались «льготы, в виде полного или частичного освобождения их от исполнения общегосударственных местных повинностей: воинской, продналоговой, и пр. в теч. 1 или несколько лет устройства на новых местах». Заметим, о казачестве при этом не говорилось и его насущные экономические интересы не учитывались, ибо власти шли «навстречу желанию преимущественно беднейшего с/х населения» [11, Л. 2], к которому казачество в преобладающей своей массе не относилось.

Естественным союзником большевиков в ликвидации казачьего хуторского землепользования на Кубани выступила широко развернувшаяся стихийная миграция населения, в свою очередь, вызванная последствиями революционных социальных катаклизмов и кровопролитной Гражданской войны, на фоне которых разразился аграрный кризис и сопутствовавший ему голод в российской деревне. Крестьянский миграционный поток хлынул в считавшиеся более благодатными районы Кубани.

Вследствие этого земельные вопросы приняли необычайную остроту. Иногородний олицетворялся врагом самобытности, угрозой традиционному кубанскому станичному социуму [12, с. 175-177]. Словесная рознь была настолько сильна, что казаки говорили открыто: «бей городовиков..., не давай городовикам землю..., выселить иногородних из станиц и т.д.» [13, Л. 42]. Во многих станицах при проведении землеустройства составлялось два списка пользующихся правом землепользования – казачий и другой, «мужичий» [14, Л. 3-16]. Казачество стремилось лишить права на землю иногородних и выступало с инициативой произвести раздел земли по трем категориям, а именно: в первую должно войти все казачье население, во вторую – иногородние коренные жители и лишь затем в третью – «пришлый элемент». Вместе с тем во многих станицах на собраниях по земельному вопросу выносились постановления: наделить землей эмигрантов, находящихся за границей, мотивируя тем, что они все-таки являются коренными жителями Кубани.

В архивных материалах Центра документации Краснодарского края отложилось немало документов, фиксирующих отношения населения к землеустроительной политике. Еженедельные сводки свидетельствовали о росте недовольства проводившимся землеустройством. Недовольство было вызвано высокими ставками на землеустройство, его медлительностью, незаконным наделением других слоев населения. В первом случае недовольна была беднота, красноармейцы и иногородние, в другом – казачество.

По устранению сословного неравенства в отношении землепользования между казаками и иногородними задача решалась для 98% иногороднего населения, пришедшего на Кубань до 22 мая 1922 г., и для 65% иногороднего населения, прибывшего на Кубань после этого срока, до 1 января 1926 г. Неравномерность землепользования между членами земельных обществ была устроена на площади 86%, и лишь 14% территории устроено в начале действия Земельного кодекса по разверсточной единице на едока [15, Л. 34].

Приветствуя советские законы, прибывающее крестьянство требовало переделки и земельных наделов.

Право на первоочередное наделение землей получали поселенцы, прибывшие на Кубань до 22 мая 1922 г. [16, с. 48]. Особое значение для безземельных крестьян Кубано-Черноморской области имели статьи Кодекса, определявшие порядок распределения общественных земель между всеми его членами на одинаковых основаниях.

Обращает внимание тот факт, что и прибывавшее население не спешило обращаться в коллективные формы, а также стремилось к индивидуализации своих хозяйств. На Кубани с начала освоения территории индивидуальная форма землепользования была широко распространена.

Большевики пытались целенаправленно использовать сложившуюся социально-экономическую ситуацию для реализации своей политической доктрины, предпринимали попытки управления миграционными потоками, чтобы привлечь новых прозелитов на свою сторону.

В 1923 г. советское правительство обратилось к горцам с предложением переселиться в предгорье, на пустующие земли крупных землевладельцев, вынужденных по понятным причинам покинуть родные кубанские земли. На призыв власти активно откликнулись эстонцы, немцы и греки, искавшие благоприятные места для проживания. Кроме того, переселенцы получали льготы в виде полного освобождения от сельскохозяйственного налога на один год.

Таким образом, Земельный кодекс 1922 г. заложил основные принципы и содержание последующей земельной политики, на новом уровне подтвердив многообразие форм землепользования и ведения хозяйства. Региональные особенности земельных отношений, формировавшиеся в результате советских преобразований, привели к многочисленным конфликтам казачества с иногородним населением, а затем и красноармейцами, прибывавшими на Кубань и расселявшимися по станицам и хуторам.

LAND REGULATION IN KUBAN IN THE 1920s

A radical restructuring of the socio-economic relations in the Kuban after the revolution could not but reflect the nature of land relations. The establishment of the Soviet government started the systematic replacement of individual management forms to the collective ones. The new authorities began to implement the "Provisions on Socialist Land Regulation and Measures of Transition to Socialist Farming" fixed by the Decree of the Central Executive Committee on 14 February 1919. It focused on the transition of agriculture from the sole forms of management to large farms, communes, agricultural cooperatives, etc.

In 1919, in accordance with the Bolshevik doctrine, the Kuban began preparations for the transfer of large estates into the socialist ownership. By the spring of 1921, large landed property in the Kuban-Black Sea region has been eliminated [1 с.41.]. In parallel with the destruction of a large land community, formation was underway of a number of land units, flexible to the perception of the government's policies. Such a unit of land in the amount of 50 households was enough for the organization of collective farms. Instead of large cohesive and wealthy Cossack villages, the authorities encouraged the creation of smaller formations, easily controlled by them.

During this period, the main tasks of land surveying work in the Kuban district were the elimination of class inequalities in land use between non-residents and the Cossacks by giving land to the landless non-resident population engaged in farming on rented land or as agricultural labourers in the territory of the land companies, as well as the elimination of land inequality among the Cossack population through the application of uniform acreage allotment units in the district per eater [2 Sheet 786.].

Developed in the 1920s in the Kuban large land regulation campaign was called to "partition" the land and equalize the land rights of the population. The land management outlined two main fea-

tures - binding and layout of socialist property relations and the establishment of sustainable land management. Individual Cossack farms do not fit into the socialist system of collective farming contrary to its principles, categorically considered ineffective, poorly linked with the market and are not capable of using advanced technology and modern management methods. Along with the release of the landlords and privately owned land under collective farms about 30%, and the Village of military land transferred to collective farms.

With the introduction of the Land Code of 1922 played out earlier acts "On land use and management in the former Cossack areas" and began a new phase in land reform. According to the Code, have the right to use the land all the citizens of the Russian Federation are able to handle it and to choose different forms of land use [3. P.157-161.]. According to the Code, have the right to use the land all the citizens of the Russian Federation are able to handle it and to choose different forms of land use. However, despite the various forms of land use purposefully encouraged collective.

In accordance with the Code, the Kuban eliminated small (farm) holdings Cossacks and introduced equal land tenure in the villages. The former large privately owned farms arose agricultural communes, government experimental farms, co-operative societies. Symptoms become noticeable since May 1920, when the Kuban-Black Sea Oblast appear first agricultural collectives.

For example, in Catherine's land commission June 12, 1920 entered a petition of citizens of farm Supovskogo partnership, consisting of 43 households and 250 inhabitants. This farm is 15 miles from Ekaterinodar. In the petition, the residents wrote: "Engaged in arable farming, horticulture and dairy farm. So we supply the population of the city of all edible products, which have the necessary and the need for new territories. Land Committee, please leave us the land of the landowner Chupova of 300 decimal, our land is now 355 of tithes "[4. Sheet 32]. The request of peasant proprietors was granted. A similar incident occurred in December 1920 when land management Krasnodar divisional application came from the peasants in connection with the resolution of citizens' with. New Babychevskoy of rapid relocation of the land of the former landowner [5.L.69.]. What examples show that they were not isolated.

Since the beginning of the Land Code of the community was a major split in 26.2% of legal limits and 19.6% within the boundaries of business, but only 45.8%. On the area of 86% of the poor districts, almost all it has been arranged at the nearest to the farm lands of better quality. The population was divided into groups of economic power on earth has received in the following order: poor neighbors land better, more -serednyaki, and the most distant land of inferior quality found wealthy "koi were provided with capital." Only 14% was divided without applying these principles

Later, however, we were set the task of further fragmentation of a large community and allotment of land newcomers.

With the end of civil war in the Kuban region, a large number of different categories of refugees: from 1922 to 1926 on Kuban arrived more than 9000 people. and they found the source of livelihood in the former privately-owned lands.

Opened the possibility of individual farming prompted the population to return to the traditional method of managing individual. Moreover, in the Kuban region, most of them (80%) costs on their own, without the need for hired labour [7.Sheet 24.]. According to statistics, in January 1, 1924 were covered by collective farms 3064 (yard) that in relation to the total number of industrial farms of the region was only 0.84% [8. Sh.2.]. I.e. the quantitative value of collective farms was extremely small. Strong individual Cossack economy did not aspire to the socialization and otherwise prevented this.

In the context of the application of the Kuban Land Code passed in an atmosphere of intravillage land regulation and destruction of class distinctions land.

When deciding on a preferred form of land between the community and the individual farmstead, then ordered to carry out a strict distinction between the technical possibility of formation of separate enterprises and economic and economic feasibility of planting in order land. The prerequisites for the formation of the hamlet forms of land use might be the following factors: commodity economy, the proximity and availability of the sales market, the desire for a high culture of farming, the inclination to exercise economic initiative and the possibility for such displays, providing enough land and money for economic furnished in a remote area.

Methods of forming communities and farmstead were different forms of land use, as well as the consequences of their occurrence. Increasing the share of communal economy was mainly due to partition of farm and - due to eviction from the community. Section usually subjected to a large and strong economy, with the result that there were economically weak economy forced strenuously seek non-agricultural income. Eviction of the farm affected the overall economic booming economy, expressed in the transition economies to higher crop group, the overall increase in acreage and expansion of flax and grasses. Communal peasantry were also aware of the profitability of farms, although their allegiances to the forms of land-use community members were divided, since they each form had its pluses and minuses. The farm "is better because safer, convenient to operate, more land," but sought to

stand out on the farm, those who expect to receive and secure a larger allotment of consumers. Little land the farmers were linked lack of pasture and stands for the overlapping where pasture and forest were in the possession of the community and the common herd cattle grazed on the community field. In 1923, under the sole form of land has been allocated 24073 decimal., or 2.5% of the total area of land surveyed area [9. P.9].

Giving communities the ground was made possible due to the liquidation of landlordism, which greatly increased the land fund

In this context, attention is drawn to generalize the experience of solving the land issue in the resolution of the Kuban-Black Sea regional executive committee from October 1923 and implementation of the legal provisions of the Land Code of the Kuban-Black Sea region in 1922 The decree even specially allocated category of people - "rasselentsy" and in paragraph 2 of the said act stated: "All citizens are entitled to allotment of land in order Art. 9 Zemkodeksa living in localities recognized land-hungry and want to get the land if they are landless or expand their use of land are allowed to move out on the free supply of land Kubcheroblasti "[10 L.2]. Moreover, the "settlers" "... in order to provide the greatest freedom" given the right to choose their place of settlement, which offers a "divided into several groups, with the amount of not less than 50 families each." New "migrants" with the consent of the Regional Economic Conference established "benefits in the form of full or partial exemption from the execution of their duties of national local: military, food tax, etc. in tech. One or more years at the new field device.. Note the Cossacks is not mentioned, and its vital economic interests are not taken into account, because the authorities were "largely meet the wishes of the poor to / x of the population" [11. Sh.2.], to which the Cossacks in its predominant weight did not apply.

A natural ally of the Bolsheviks in the elimination of farm land in the Cossack Kuban made widely unfolded spontaneous migration, in turn, caused by the consequences of revolutionary social upheavals and bloody civil war, which broke out on the background of agrarian crisis and the accompanying famine in the Russian countryside. Peasant migration flow surged in areas considered to be more gracious Kuban.

As a result, land issues have taken extraordinary sharpness, nonresident personified enemy identity, threatened traditional Kuban stanitsa society [12. P.175-177.]. The class hatred was so strong that the Cossacks talked openly - "Bey Gorodovikov ....., Do not let the ground ... Gorodovikov, evict non-resident from the village, etc." [13.L.42.]. In many villages during land shall be two lists using land use right - another Cossack, "a rustic". [14.Sh. 3-16]. Cossacks sought to deprive the right to land and other cities have taken the initiative to make division of the land into three categories: namely, first of all we have to enter into the second Cossack population nonresident indigenous people, and only then in the third "alien element". However, at meetings in many villages on the land issue shall rule, a piece of land of emigrants living abroad arguing that they still are the original inhabitants of the Kuban.

In the archival materials of the Documentation Centre of the Krasnodar Territory was postponed many documents recording the attitude of the population to the land management policy. Weekly reports showed growth of discontent are held land management. The discontent was caused by the high stakes for land management, its slowness, illegal granting of other segments of the population. In the first case was dissatisfied with the poor, the Red Army and other towns in the other - the Cossacks.

By eliminating class inequality in land use between the Cossacks and the problem was solved in other cities for the 98% non-resident population came to the Kuban to May 22, 1922 for 65% of the non-resident population has arrived to Kuban thereafter, until 1 January 1926. The uneven land between members of land companies has been arranged on the area of 86% and only 14% of the territory are arranged at the start of the Land Code of razverstochnoy one on consumer [15.L.]

Welcoming the Soviet laws arriving peasants demanded alterations and land holdings.

The right to receive priority distribution of land settlers who came to the Kuban to May 22, 1922 [16.s.48.]. Of particular importance for landless farmers Kuban-Black Sea Oblast had articles of the Code defines the procedure for the distribution of public lands among all its members on an equal footing.

Attention is drawn to the fact that the resident population and in no hurry to apply to the collective forms and strive towards individualization of their farms. In the Kuban from the beginning of development of the territory of the individual form of land use was widespread.

The Bolsheviks tried to purposefully use the current socio-economic situation for the implementation of its political doctrine and attempted management of migration flows in order to attract new converts to his side.

In 1923, the Soviet government turned to mountaineers with a proposal to move to the foothills, on unused land of large landowners who are forced, for obvious reasons, to leave their native land of the Kuban. On appeal authorities actively responded Estonians, Germans and Greeks, who sought favorable places to stay. In addition immigrants receive benefits in the form of full exemption from agricultural tax for one year.

Thus, the Land Code of 1922 laid down the basic principles and content of subsequent land policy, the new level will confirm the variety of forms of land use and forms of farming. Regional peculiarities of land relations formed as a result of Soviet reforms have led to numerous conflicts with other cities of the Cossacks public, then and soldiers staying in the Kuban and settle in villages and hamlets are not contributing to the modernization of the agricultural sector.

Information about the author

Федина Ирина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Получена: 18 февраля 2016 г.

Для цитирования статьи: Федина И.М. Регулирование земельных отношений на Кубани в 1920-е годы. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2. Часть 1. с. 39-45.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-39-45. [ru; en]

Информация об авторе

Fedina Irina M., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Received: 18th Feb. 2016

For article citation: Fedina I.M. Land regulation in Kuban in the 1920s. Krasnodar. Isttoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 2. Vol. 1. Pp. 39-45.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-39-45. [ru; en]